

Кельмаков – это Кельмаков
(Совсем не официальные заметки)

О Валентине (Валее) Кельмаковиче Кельмакове – лингвисте, фольклористе, педагоге, организаторе науки, обремененном многими титулами, званиями и регалиями – уже пишут. И еще больше напишут. Здесь же мне бы хотелось поделиться некоторыми своими впечатлениями о Кельмакове – человеке, причем в самом обыденном (порой бытовом) смысле. Особенно, если учесть, что мне довелось с ним делить хлеб и кров. Полагаю, это – любопытно и небезынтересно. Тем более, я думаю, это уместно сейчас, на этапном, рубежном периоде жизни этой совершенно неординар-

ной личности, когда создается ее многогранный общественный портрет, подводятся некоторые итоги, оглядываясь назад, на пройденный путь по случаю славного 60-летия.

... Учась уже на завершающем этапе моего студенчества в МГУ (это был, по моему, 5-й курс), я вдруг получил приглашение на новогодний вечер, который организовали мои земляки, удмуртские “академики”, так в шутку я называл аспирантов, обучающихся в Москве, академических институтах. Вечер удался, я как-то кровнородственно ощутил себя частью удмуртского студенческого землячества. Собралась веселая компания: Л. Христолюбова, Г. Кондратьева (они и были из АН), И. Колесников, Ф. Пукроков, А. Шкляев (а это из МГУ). Там я впервые встретился с аспирантом Института языкознания АН СССР Валентином Кельмаковичем Кельмаковым. Сказать, что мы сразу подружились, — не могу. По-моему, с Кельмаковым сразу ничего в жизни не происходит. Все очень обстоятельно, планомерно и основательно. Это впечатляет. А позднее, когда мы снова встретились, В. Кельмаков подарил мне на день рождения недавно вышедшую солидную монографию “Татары Среднего Поволжья” с пожеланием написать такую же книгу об удмуртах. Это пожелание, к сожалению, я до сих пор не выполнил. Тогда же, в те далекие (а в общем-то и не очень — особенно по ощущениям, а не по календарю) наши студенческо-аспирантские годы, надо признать, книг по удмуртоведению выходило очень мало. И едва ли не каждая публикация была событием. И еще о книгах и о Кельмакове. В нем есть почти патологическая страсть к книгам. Я думаю, это с детства. Полагаю, именно книгам Кельмаков очень многим обязан в своем собственном становлении и развитии. Среди удмуртов я знал, пожалуй, еще одного такого великого книжника — это Г. А. Архипов, но это уже другая история. Специализированная библиотека Кельмакова, наверняка, одна из лучших среди финно-угроведов. В его портфеле всегда имеется свежая, только что им добытая книга: он постоянный посетитель книжных магазинов, выставок, внимательно отслеживает книжные новинки по реферативным изданиям, щедро обменивается книгами со своими коллегами, в том числе и зарубежными. Книгами Кельмаков постоянно “угощает” своих друзей, знакомых, студентов (к перманентному ужасу последних: опять надо успеть проштудировать!). В нашей семейной библиотеке довольно много книг, как подаренных Кельмаковым, или так или иначе с ним ассоциируемых.

В тот, московский, мой день рождения, Кельмаков подарил мне, кроме книги, еще совершенно незабываемый подарок: это были маленькие (но не до неприличия крошечные, которые порой можно видеть среди сувениров), а самые настоящие лапти. Причем удмуртские (не русские, не татарские!, по всем канонам сплетенные удмуртские лапти. И что меня особенно поразило, буквально потрясло: эти лапти сплел сам Кельмаков! Наверное, на это его подвигли и воспоминания о своем “ненарядном” детстве. Ведь надо было специально сходить в лес, надрать лыка, обработать каждую лычину и сплести подлинные удмуртские лапти. Это какой труд и время! Но лучшего подарка для этнографа трудно найти. Я их берегу.

... Потом Кельмаков куда-то исчез. Оказалось, его “забрали” в армию. И служил он не где-нибудь, а в Туркмении, по-моему, где-то около г. Мары (это самая, даже по-туркменским понятиям, глубинка), условия, я полагаю, ближе к филиалу ада. Это тоже по-кельмаковски: уж если служить, так в авиации и самом пекле, на полную катушку, экстремально. Слава Инмару, его пощадили легендарные туркменские комары, скорпионы, змеи и прочая мелкая пакость, будущий замечательный удмуртский лингвист целым и невредимым благополучно вернулся к своим аспирантским занятиям. Честно говоря, это время у меня как-то не очень отложилось встречами с Кельмаковым. Уж не знаю, что было тому причиной, может, напряженный аспирантский ритм? Или сверхдобросовестный подход Кельмакова к занятиям. Во всяком случае, знаю одно: Кельмаков, завершив аспирантуру, вернулся в Ижевск и, только спустя какое-то время, он решил, что готов к защите своей диссертации.

... Когда я вернулся в Удмуртию, меня распределили на работу в УдНИИ, где уже успешно трудился молодой, подающий большие надежды лингвист В. К. Кельмаков. Наши жизненные дороги вновь пересеклись, и даже буквально и очень тесно. Мне дали квартиру (оказалось, за меня очень хлопотала Москва, точнее – МГУ). Комнат было две, я был один, и по совету директора института, который, кажется, сам был удивлен неожиданно “упавшей” квартирой, мы поселились вместе с Кельмаковым. Чего только у нас не было: не было мебели, не было посуды, – был один голый энтузиазм. Завтракали-ужинали у подоконника – “стола”, постелив газеты. И все-таки это было прекрасное время: мы были молоды, полны надежд, планов, желаний. Помню, как

упорно Кельмаков занимался венгерским языком: из его комнаты часами доносилась весьма характерная венгерская речевая мелодия. Кстати, Кельмаков превосходно знает коми, марийский, венгерский, финский, немецкий языки. Не все даже столичные профессиональные лингвисты могут похвалиться таким багажом. Конечно, здесь наглядный результат кельмаковского языкового таланта, помноженного на редкостное удмуртское трудолюбие.

... Кельмаков, будучи явным и безнадежным трудоголиком, не чурался и обычных человеческих проявлений. Помню Кельмакова-влюбленного! Он каждую субботу отправлялся из Ижевска в село Пышкет, там учительствовала его избранница. Ехать туда было очень не просто: через Глазов, Юкаменское, вкруговую и долго. При моей склонности к модернизации я предложил Кельмакову облегчить/упростить его “великие хождения”. В те “совковые” времена, как сейчас говорят иные неумно-неумные реформаторы, еще ежедневно летал самолет из Ижевска в Юкаменское (и еще, заметьте, это было вполне доступно по цене), а оттуда – уже рукой подать до деревни кельмаковской невесты. 45 минут лета, полчаса автобусной тряски – и ты уже у заветного порога. И вот однажды Кельмаков созрел и решил воспользоваться моим советом. Вооружившись огромным тортом, он отправился с утра по новому маршруту. К вечеру в мою дверь постучался... Кельмаков. Такой скорости даже я не ожидал и изумленно спросил: “Ты – уже?”, он мрачно ответил: “Я – еще”. Оказывается, он благополучно долетел до Юкаменского, но самолет вернулся обратно в Ижевск. Он почему-то не смог приземлиться: то ли на местном аэродроме была нелетная погода, то ли туда некстати вышла пастись корова, как это часто случалось на наших сельских лётных полях, а может, еще что приключилось. Самое примечательное, что Кельмаков довольно низко пролетел и над желанным Пышкетом и, кажется, даже узрел еще более желанную свою невесту на огородной грядке. Я искренне им посочувствовал и попытался пошутить: “Что ж ты хоть торт свой ей не отправил на парашюте?” Наутро злой, но упорный Кельмаков отправился снова своим обычным, проверенным маршрутом в Пышкет.

В конце концов эти маршруты довольно быстро привели Кельмакова к закономерному итогу: к женитьбе, к свадьбе. О Кельмаковской свадьбе надо сказать особо. Хотя я туда не был приглашен, но тем не менее принял в ней, кажется, самое непосредственное участие. Как-то в один прекрасный день в наш дом

стали съезжаться многочисленные люди. Оказалось, это гости приехали на свадьбу Кельмакова. Но его самого дома не было. Он, как обычно, неизвестно куда исчез, совершенно не предупредив меня. То ли он уехал в свой родной Кукморский район, то ли – в Понино, где жила семья его невесты. Я был в совершеннейшем неведении/недоумении и уже было раздумывал об организации филиальной свадьбы. Но, Слава Инмару, как-то все разъяснилось, и гости благополучно нашли свадьбу. (Как выяснилось уже много позже, Кельмаков, как оказывается, в это время был... на Международном конгрессе финно-угроведов в г. Таллинне. А свадьба, между тем, весело гуляла на родине невесты, которой на свадьбе тоже не было – что ей там делать без жениха-то. Так что и свадьба у Кельмакова была совершенно кельмаковская, пожалуй, самая оригинальная, которую я знаю.) Счастливым жених и невеста стали счастливыми мужем и женой. И, по-моему, до сих пор пребывают в таком состоянии. У них народились прекрасные дети: Наташа и Алексей. Как сейчас передо мной Кельмаков с новорожденной дочкой на руках – он поет ей колыбельную: *“Ма-а-лень-кой ё-лоч-ке хо-лод-но зи-мой...”*.

И стала супружеская чета Кельмаковых, как говорится, жить-поживать да добра наживать.

... А однажды я поехал в Кез. Навестить свою матушку (увы, теперь уже покойную, – Царствие ей Небесное). Предупредил Кельмакова: “Меня не теряй, я поехал к маме”. На уикэнд, как бы сейчас, наверное, сказали. Сажусь в поезд, гляжу: в вагоне – Кельмаков. Изумился: “Ты куда поехал?” – “В Глазов”. – “Что ж ты ничего мне не сказал?” – “А ты не спрашивал”. Типичный диалог с Кельмаковым.

... Кельмаков всегда жил в контексте тесных родственных отношений: в их маленькой комнатке постоянно были гости, близкие и дальние родственники, а то и просто знакомые. Как они там все помещались, – до сих пор удивляюсь. Утром, пробираясь, как партизан, на кухню, я нередко здоровался с кем-то незнакомым. Значит, это были очередные гости. Видимо, это заложено в ментальности южных удмуртов: Кельмакову нравится общение, хорошее застолье, обряд гостевания, удивительное радушие и хлебосольство. Жили они весело, радостно, дружно. Помню, как Кельмаков или его жена Людмила Николаевна, сотворив что-нибудь вкусенькое, непременно приносили или приглашали угоститься. Мы близко познакомились с его обширным родством:

замечательной мамой, удивительно самобытной, мудрой тетушкой, очень энергичной сестрой (увы, теперь уже тоже ушедшими навсегда...), многочисленными племянниками, кузинами и кузенами. Мне довелось побывать в кельмаковском “родовом гнезде” в старинной деревне Верхняя Юмья, что в Кукморском районе Татарстана, сюда меня привели мои экспедиционные дороги. В общем-то, некогда это был преимущественно удмуртский край. Постепенно многие деревни отатарились, хотя рыжий, удмуртский цвет свой сохранили. Наиболее стойкие остались удмуртами. Кельмаков – из стойких, но не рыжий (хотя в антропонимике, в специфике кукморского диалекта, конечно, тюркское влияние ощущается). Кельмаковская деревня – заметная своей историей, культурой, самобытностью. Не случайно в этих краях побывали и многие зарубежные удмуртоведы: Г. Т. Аминофф, Уно Хольмберг и др.

Усадьба Кельмаковых крепкая, добротная, ухоженная. Чувствуется, здесь живут очень основательные, трудолюбивые люди. Я был рад, что побывал у Кельмакова Дома. Что касается его городской, “своей” квартиры, то он довольно быстро ее получил, когда перешел работать в университет, на кафедру удмуртского языка и литературы. Это были времена, когда еще давали квартиры...

... Университетский период жизни Кельмакова – это особый разговор. Можно сказать, что на кафедре Кельмаков был со студенческих лет своим человеком. Талантливого паренька, с серебряной медалью закончившего школу, заметил сам И. В. Тараканов, всячески его опекал, помогал советом и делом. По-моему, Тараканов посоветовал Кельмакову на 1 год поехать в Йошкар-Олу, чтобы овладеть марийским языком. Блестяще окончив Удмуртский государственный пединститут (одна “четверка” по истории КПСС), Кельмаков по праву был рекомендован в аспирантуру в Москву. И здесь ему опять повезло, хотя говорят, везет тому, кто стремится. Его взял к себе профессор Василий Ильич Лыткин – выдающийся отечественный финно-угровед (кстати, как-то раз, будучи в Ижевске со своей женой замечательным удмуртским лингвистом Т. И. Тепляшиной, они были в гостях у Кельмакова, в нашей тогда еще совместной квартире. Так что, можно сказать, и я удостоился видеть самого знаменитого Иллю Вася. А Кельмаков у него учился – и этим многое сказано). А потом, как уже было отмечено, – возвращение в почти родной Ижевск. И снова кафедра. Но теперь Кельмаков уже в статусе преподавателя: он прошел все ступени от старшего преподавате-

ля до профессора, заведующего кафедрой, декана. За эти, теперь уже немалые, годы сколько выпусков студентов, судеб! Я рискну сказать, университетская служба Кельмакова – это его большое счастье и горе великое одновременно. Острые “ножницы” между желаемым и реальным. С его вечно юношеским максимализмом, почти неприличной дотошной требовательностью, абсолютной нетерпимостью к студенческому “авось” (*‘марым’* – в приблизительном переводе на удмуртском факультете), стремлением все-непреренно каждого студента здесь и сейчас сделать таким “а’ Ia Кельмаков”, он очень часто больно ударяется о глухую стену невозможности, непонимания и даже неприятия. Драматизм ситуации обостряется еще и тем обстоятельством, что многие студенты “удмуртского факультета” нередко совершенно не готовы адекватно воспринимать уровень требований Кельмакова. Более того, стартовая позиция некоторых студентов ниже нулевой отметки. Плюс “удмуртизмы” нашей традиционной ментальности. А Кельмаков без всяких скидок на сложившиеся обстоятельства, на индивидуальные особенности, безжалостно преподает “высшую математику” языкознания, хотя совершенно очевидно: еще не всегда усвоена и “арифметика”. Отсюда частые сложные коллизии. Порой студенты сдают Кельмакову зачет или экзамен по 5–7 раз! По факультету ходят мифы, легенды, предания, былички, частушки – словом, пышно цветет “кельмаковский” фольклор. Как-то раз в экспедиции в одной деревне к нам подошла симпатичная бабушка и спрашивает: “Вы, правда, из Ижевска, из университета? У вас там есть какой-то Кельмаков, не знаете? Вот бы на него хотя бы одним глазом посмотреть. Адями-а со, изъвирь-а? Мынам унучкае солы 8 пол экзамен сётйз, али но зар бёрдэ, сое ке кылэ”. Это, по-моему, типичное кельмаковское предание.

Интерес Кельмакова к фольклору – общеизвестен. Наверное, это родом тоже из детства, из благословенной фольклорной стихии. Конечно, этот интерес профессионально оформился и укрепился во время ежегодных летних экспедиций, которые регулярно проводит удмуртский факультет. Бессменным руководителем нескольких экспедиционных отрядов на протяжении многих лет был В. К. Кельмаков. Он – настолько же скрупулезный полевик, как и кабинетный ученый. Его несколько безупречно подготовленных томов из серии “Образцы удмуртской речи” – тому убедительное свидетельство. Без преувеличения можно сказать, этими книгами Кельмаков уже “постучался в вечность”, они оста-

нутя навсегда, пока будут живы удмуртское языкознание, фольклористика и, конечно, удмуртский народ.

Вот еще одна картинка из “народной жизни” Кельмакова. Кельмаков и баня – неотделимые понятия. Говорят, Кельмакова чаще всего можно видеть за письменным столом либо ... в бане. Это его глубинная “финская” неистребимая банная страсть. Кажется, он готов париться в бане 2 раза в день. Как-то раз в экспедиции Кельмаков, конечно же, организовал баню. Поручил ее истопить кому-то из студентов. Оказалось, не тому поручил. Глядят, а баня-то не только топится, но уже и горит. Сбежались испуганные студенты и спрашивают Кельмакова: “Что делать-то будем?” А он совершенно невозмутимо любуясь ярко полыхающей банькой, отвечает: “Вот догорит, а там посмотрим”. И это тоже Кельмаков. Говорят, пострадавшим хозяевам студенты новую баньку срубили...

Экспедиционные исследования и большой интерес к фольклору привели к тому, что Кельмаков стал хорошим знатоком удмуртской народной песни и, более того, в практическом багаже – памяти – едва ли не самая обширная песенная коллекция. Во всяком случае, когда надо было действительно поддержать нарождающийся фольклорно-этнографический ансамбль “Чипчирган”, Кельмаков, не раздумывая, пришел на сцену и с большим успехом выступал не только в республике, стране, но и за рубежом. У него прекрасный теплый баритон. Известность получила оригинальная фотография: “Чипчирган” на берегу Дуная, на фоне величественного Венгерского Парламента, второй справа, – Кельмаков. Сейчас со сцены он, кажется, уже не поет, но любовь к песне осталась навсегда. Как-то мы теплой компанией ехали на конгресс в Финляндию. Конечно, пели. Одна песня не заладилась: ее слов многие не знали. Я предложил спеть другую, более знакомую. Кельмаков обиделся и даже рассердился: оказывается, он, единственный, знал все слова и непременно хотел их допеть все до конца. И вот эта нацеленность до конца – это тоже Кельмаков.

... Характер у Кельмакова, конечно, не сахар – это все скажут. Но не следует забывать, ведь медовый характер встречается преимущественно у подлецов. Кельмаков порой очень неудобный, а иногда даже жесткий человек. Особенно если речь идет об отстаивании принципиальной, выстраданной им позиции. Убежденный в своей правоте, Кельмаков не отступит ни на йоту. От его железобетонной принципиальности иногда достается не только студентам. С другой стороны, – трудно найти еще более доброжелатель-

ного человека, чем Кельмаков. Полагаю, он не откажет никому, кто рискнет обратиться к нему за помощью. Я – рискнул. При работе над докторской диссертацией мне было необходимо проконсультироваться с коллегами-лингвистами о многих удмуртских терминах, уточнить их этимологию и семантику. Лучшего консультанта, чем Кельмаков, трудно себе представить. Его искреннее желание помочь, необъятная языковая эрудиция, безупречное состояние его научного аппарата-картотеки, обширнейшего банка диалектологических данных – все это незабываемо. Помню, как несколько дней подряд я отправлялся к Кельмакову домой с очередной порцией вопросов. И всякий раз получал исчерпывающие ответы. Еще раз, пользуясь случаем, хочу поблагодарить своего замечательного консультанта за неоценимую помощь! Порой засиживались допоздна. И Кельмаков шел меня провожать до трамвая: “Район не очень спокойный, пошаливают”, – пояснял он. В этом тоже Кельмаков. В связи с этим вспоминается еще и другое. Приболев (простудился или кто-то на меня чихнул), какое-то время я отсутствовал на работе. В один из дней слышу звонок, открываю дверь – на пороге Кельмаков. Узнав, что я заболел, пришел ставить мне банки. Наверное, тогда я выздоровел от потрясения.

Весь жизненный уклад Кельмакова, его самозабвенное служение родной лингвистике, помноженные на природные и приобретенные дарования, постепенно привели к тому, что он встал в один ряд с выдающимися отечественными (и, может, не только) финно-угроведами. Достаточно отметить очень высокий “индекс цитируемости” его работ. Совершенно закономерно его пригласили преподавать удмуртский язык в Финляндию в университетах Хельсинки и Турку. В результате некоторые его ученики “заболели” Удмуртией и стали своеобразными “удмуртами” за рубежом. По крайней мере, некоторые из них в Финляндии, Швеции, Голландии, Германии, Японии неплохо говорят по-удмуртски.

Однажды, уже глубокой ночью, у меня зазвонил телефон. По обыкновению, я еще не спал и, удивляясь, кому тоже так долго не спится, взял трубку. Оказывается, – Кельмакову. В Финляндии. Почему так поздно? Ну, ночью звонить не так дорого, кроме того, в Европе на 3 часа позже наступает ночь. Кельмаков меня предупредил, что, мол, скоро мне придет приглашение из Хельсинкского университета для чтения лекций, и чтоб я не удивлялся. Так и случилось. И вскоре мы с моей женой отправились в Хельсинки. Дорога довольно утомительная. Для нас было большой радо-

стью увидеть на вокзале Кельмакова с женой (она приехала проведать своего благоверного). Они, несмотря на поздний час, терпеливо ожидали наш, питерский, автобус. Проводили, разместили, пригласили на ужин. Оказывается, мы целый месяц будем жить в одном доме с Кельмаковыми. Они были уже “старожилами” (по-моему, Валентин Кельмакович уже 2 или 3-й год преподавал в Финляндии), мы – “новоселами”, и они взяли шефство над нами. Почти каждый день они приглашали нас в гости: на табани, на очень хороший коньяк, а то угощали какой-то неслыханно-вкусной рыбой. Гуляли по городу, сидели в уютных ресторанчиках и кафе, путешествовали по стране (ездили в Падасйоки, домой к совершенно удивительной финской “удмуртке” Марье Картано – родственнице всех удмуртов, по-моему, ее в Удмуртии все знают и почитают). И, конечно, Кельмаков уговорил нас пойти в сауну. По финскому обыкновению, сауна есть в подвале почти каждого городского дома. Каждая семья имеет свой “саунный” час. О том, как замечательно выглядит и функционирует финская сауна, говорить не буду, – это и без меня хорошо известно. Жаль, только у меня после сауны сердце прихватило: все-таки выше 100°! (А Кельмакову хоть бы хны: определенно, он родился в бане!). Словом, наше путешествие в Финляндию проходило при самом добром кельмаковском участии и патронаже. И это тоже Кельмаков.

Как-то Кельмаков позвонил мне, хотел посоветоваться: ему предлагают заведовать кафедрой в одном из престижных европейских университетов, в Венгрии. Недолго раздумывая, я говорю: “Надо ехать”. К большому сожалению, Кельмаков не решился воспользоваться любезным приглашением своих венгерских коллег и моим советом: здоровье, точнее его дефицит. Жаль. Сейчас в венгерской лингвистике несомненно более осязаемой была бы “удмуртская” составляющая.

... Завершая свои беглые, совсем несистематизированные, глубоко личные, скорее всего далеко не объективные, заметки о Кельмакове (но я честно предупреждаю, это – только мое восприятие этого удивительного и постоянно удивляющего человека, у других оно, наверное, другое), прежде всего хотелось перед ним извиниться, если что не так сказалось. Пожелать дальнейших творческих успехов и удач. И конечно же, здоровья и счастья, остальное, кажется, у него уже есть. А самому себе я бы пожелал и впредь и навсегда иметь высокую честь находиться в дружеских отношениях с Валентином Кельмаковичем Кельмаковым – одним

из самых загадочных, своеобразных, оригинальных людей, которые пока встретились мне на жизненном пути. А этот наш совместный путь уже достаточно длинный: ведь мы прошли его от студента до профессора. И можно сказать, вспоминая старину Ж.-Ж. Руссо с его “Общественным договором”, профессора свои обязательства перед обществом, государством полностью выполнили и выполняют. А по отношению к профессорам? Особенно если судить по нашему материально-финансовому “процветанию”. Зарубежные коллеги очень удивляются. Мы – уже нет.

... У 2-го корпуса УдГУ часто можно видеть рослого, энергичного, динамично шагающего, молодежавого, демократично одетого мужчину. Это – известный удмуртский профессор В. К. Кельмаков. Иногда он может просто буркнуть свое приветствие: настроение не очень или родные “суффиксы” одолели. А иногда, когда солнце, погода отличная и не только с “суффиксами” все в порядке, он – сама удмуртско-европейская любезность. Это как повезет. Кельмаков есть Кельмаков.

В. Е. Владыкин, доктор исторических наук, профессор УдГУ, заведующий кафедрой этнологии и регионоведения, Заслуженный деятель науки Удмуртской Республики, лауреат Государственной премии Удмуртской Республики, Заслуженный работник высшего профессионального образования России, член Союза писателей России, академик Международной Академии информатизации, почетный иностранный член ряда зарубежных обществ